

Кухня психоанализа

Опера «Жюли» в постановке Люка Бонди

фестиваль театр *КоммерсантЪ* - 2008 - 31 мая - с. 22

Во фрейдистском спектакле Люка Бонди графская дочь Жюли (Малена Эрнман) обольщает лакея Жана (Давид Дамиани) не столько из похоти, сколько из ревности

В Вене на традиционном фестивале Wiener Festwochen показана опера современного бельгийского композитора Филиппа Боесмана «Жюли» по пьесе Августа Стриндберга «Фрекен Жюли». Постановку осуществил художественный руководитель фестиваля Люк Бонди. Рассказывает РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.

Искусство современной камерной оперы, кажется, все больше становится искусством сценографа и художника по свету. Во вторую очередь — искусством режиссера. И только потом — солистов и композитора. Во всяком случае, из оперы «Жюли» можно сделать именно такой вывод. Новый спектакль Люка Бонди поражает прежде всего тончайшей разработкой световой партитуры, игрой теней, цветов и фактур. Только не нужно сразу представлять себе какую-то психоделическую абстрактную инсталляцию. Декорация Ричарда Педуци — конкретнее некуда, в полном соответствии со Стриндбергом, который развернул действие пьесы «Фрекен Жюли» на кухне.

Холодная комната-колодец с черно-белым, похожим на безразмерную шахматную доску кафельным полом, два высоких и узких окна, светлые стены тянутся вверх. Строгое и скучноватое северное пространство, которое люди, очевидно, попытались утеплить и оживить — поставили красные

и желтые шкафы, зеленый стол и синий стул, маленькую винотeku и даже диван в углу. В окне можно увидеть улицу: служанке Кристине хорошо видно, как Жюли танцует со своим лакеем Жаном. Свет за окном будет меняться несколько раз, потому что действие происходит вечером и на следующее утро. Однако световая партитура не просто подражает природе, она составляет сильные эмоциональные акценты. Только когда дело близится к трагической развязке, становится видно, что стены до высоты человеческого роста отделаны белым кафелем, скользким и равнодушным. А когда Жан собирается вложить Жюли в руки бритву, орудие ее самоубийства, фигура женщины обостряется, она становится очень «выпуклой», в то время как молодой мужчина превращается в черную тень, в злобещий силуэт.

Впрочем, режиссер Люк Бонди (либретто написано им совместно с его супругой Мари-Луизой Бишофбергер) занят не только созданием безупречной и самодостаточной театральной формы. Он решительно смещает акценты в знаменитой пьесе. У Стриндберга, которого принято считать женоненавистником номер один в мировой литературе, графская дочка одержима банальной похотью. Забыв не только про сословные барьеры, но и вообще обо всем на свете, она соблазняет лакея своего отца

Жана, а утром, осознав глубину собственного падения, сначала собирается бежать с ним из дома, но вместо этого кончает с собой. Неявно фрейдистскую подоплеку действия (Стриндберг писал свою пьесу, когда психоанализом еще и не пахло) господин Бонди обостряет. Фрекен Жюли в его опере покушается на Жана (Давид Дамиани) не столько от похоти, сколько от ревности: она равнодушна к Кристине (Хендрике ван Керкхове), которая, в свою очередь, влюблена в лакея. В сущности, дочь графа хочет не столько отдаться мужчине, сколько заместить его, как бы самой стать Жаном.

Фрекен Жюли в опере Филиппа Боесмана и Люка Бонди — не самка, а скорее андрогин. О том, что Жюли у Стриндберга не знает, какой тип поведения выбрать, мужской или женский, исследователи его творчества писали и раньше. Но именно Бонди довел эту догадку до наиболее внятного сценического воплощения. Малена Эрнман, исполняющая главную партию, была выбрана, очевидно, не только (и не столько) благодаря своим вокальным данным, но и за подходящую фактуру. Крупная, сильная блондинка резка и в движениях, и в пении. Когда она меняет открытое красное платье на плащ, высокие кожаные сапоги и брюки-галифе, то совсем становится похожа на агрессивную завоевательницу.

Впрочем, она готова к поражению: когда Жан убивает ее любимого чижика, Жюли с готовностью кладет голову на стол, где лежит мертвая птичка. Но перед окончательным поражением героине все-таки будет дарована минута «торжества». Взяв в руки опасную бритву и остаток мыльной пены, которой брился Жан, Жюли усаживается на авансцену, намазывает себе щеки и подбородок, потом скребет их лезвием, и только потом простым движением режет себе горло и падает в оркестровую яму.

В красивом, умном и радикальном спектакле Люка Бонди (премьера его состоялась в Брюсселе, вскоре после Вены он будет показан на фестивале в Экс-ан-Провансе) самое уязвимое место — музыка. Филипп Боесман умерил «современность» музыки настолько, чтобы ее могли воспринять консервативные завсегдатаи статусных оперных премьер в Брюсселе и Вене. Дирижер Казуси Оно продирижировал так, чтобы не разочаровать упомянутую публику. И получается, что музыка в одно ухо влетает, а из другого сразу вылетает. Ее почему-то не поймать, не задержать в себе. В отличие от ветра, порыв которого сотрясает сцену, когда Жюли уволакивает лакея в постель. В отличие от черной фигурки Кристины, томящейся у дальней стены, пока на авансцене хозяйка соблазняет ее любимого.